

собак — он все описал, и так, что ни я, ни другой ничего уж не можем прибавить. Я пробовал было в пику его «Холстомеру» написать своего «Изумруда» и должен был устыдиться. Бледно, чахло в сравнении с его творением. Разве можно с ним состязаться! Чувствую, что если бы я родился сто лет спустя, — пожалуй, тогда бы я начал писать, тогда и на мою долю было бы что-нибудь новое из живой жизни. А теперь старик все забрал. Он ограбил всех нас. На сто лет ограбил...

Его язык! Он иногда неуклюжий, тяжелый и нещадно громоздит «что» и на «что» и «который» на «который», но отойдите вон много и гляньте на то, что вышло. Как циклонические постройки: красота их выступает только на расстоянии. В этом тайна великого! Но старик умеет говорить и нежно. Он находит такие дивные, мягкие, трогательные выражения, как самые нежные, чарующие мелодии скрипки... И что ни скажет, то припечатано: уж иначе не назовешь, не придумаешь. Он умеет и смешить, если хочет. И его смех — очищающий, радующий, как топкий ветер распыляемых духов. Он все может. О нем говорить надо девять, два, неделю подряд, и то всего не выскажешь».

Эти целомудренные и благоговейные слова о великом художнике-современнике принадлежат не новичку в литературе, а сороскалетному писателю, находящемуся в апогее всероссийской славы, создавшему уже (за малым исключением) свои лучшие произведения «Молох», «Олеся», «В цирке», «Копьокрады», «Белый пудель», «Изумруд», «Суламифь», «Поединок»... У Толстого Куприн учился именно говорить правду жизни, художественному бесстрашию, последовательному реализму. От Толстого и Чехова унаследовал он завет писать только о том, что хорошо знал, пережил и прочувствовал.

В грозном 1905 году после бесславногo поражения царского самодержавия на полях Маньчжурии Куприн так отвечал на вопросы корреспондента «Петербургской газеты» о своем любимом детище — «Поединке»:

«— Почему вы так хорошо знаете военный быт, описанный вами в «Поединке»?

— Как же мне не знать! Я сам прошел эту «школу», был армейским офицером, батальонным адъютантом. Если бы не цензурные условия, я бы не так еще хватил...

— Вы сами вполне довольны вашим произведением?

— Нет! Последние главы скомканы. Пришлось торопиться к выходу очередной книжки «Знания» и наскоро диктовать...

— А как вы смотрите на задачи художественного творчества?

— Я лично люблю правду голую, бьющую по головам и, как говорится, по сусалам. Потому нахожу, что писатель должен изучить жизнь, не отворачиваясь ни от чего... скверно ли пахнет, грязно ли — иди, наблюдай... Не пристанет, а живых документов зато не отгребешь лопатой».

«Поединок» потому и потрясал воображение читающих, что Куприн, в бытность свою подпоручиком 46-го Днепровского пехотного полка на Волыни, всей своей кожей ощутил все то, что переживает и через что проходит Ромашов. Недаром такой взыскательный читатель, как Лев Толстой, с высокой похвалой отзывался прежде всего о «военных» произведениях Куприна. Как-то вечером, когда в зале собрались близкие, Толстой в ответ на